

о чем, кроме своей возлюбленной, к ней обращены его последние слова. В последние мгновения она появляется, и Демофонт выпускает дух в ее объятиях.

При всей близости к Сумарокову трагедия Ломоносова заключает в себе несколько иную концепцию любви. В большей мере, чем у Сумарокова, любовь предстает у него как абсолютная ценность. Как кажется, Ломоносов хотел нанести поражение своему сопернику на его собственном поле. Можно предположить, что именно в этом отношении он мог рассчитывать на аплодисменты со стороны придворной публики и самой императрицы.³²

Главный герой трагедии «Тамира и Селим» — идеальный любовник (*parfait amant*) в традиции французской любовной трагедии (и французского барочного романа):³³ как нечто само собой разумеющееся, полководец Селим, подчиняет свои воинские действия любви к Тамире — это единственная причина, по которой он в I акте прекращает осаду ее родного города. Что касается Тамиры, она переживает конфликт, аналогичный ситуации Оснельды, героини трагедии Сумарокова «Хорев»: она также любит врага и оказывается поэтому в конфликте со своим отцом (помимо этого, в трагедиях обоих авторов появляется мотив осажденного города).³⁴ На фоне этих аналогий яснее вырисовываются различия: героиня Сумарокова ищет компромисса между долгом и страстью, она не намерена пренебречь приказом отца. Немного иначе обстоит дело в Сумароковской трагедии «Синав и Трувор»: и здесь героиня подчиняется воле отца, однако только *pro forma*: она сочетается браком с нелюбимым человеком, а затем совершает самоубийство, тем самым ставя любовь выше царского трона. Абсолютизация любви, которая здесь намечается, ясно выступает у Ломоносова. В большей мере, чем Сумароков, он соответствует тенденции XVIII века ставить личное счастье отдельного человека на вершину морального порядка ценностей.³⁵

У Ломоносова этот идеал личного счастья оправдывает открытое непослушание детей родителям. Это поразительный мотив, даже если иметь в виду, что в России XVIII века авторитет родителей на уровне законодательства (другое дело — общественная практика) уже не являлся абсолютным: со времени Петра I родители больше не имели законного права женить своих детей против их воли (указ 1702 года).³⁶ С другой стороны, это, конечно, не значило, что детям уже не было нужно согласие родителей. Но именно так поступает героиня ломоносовской трагедии «Тамира и Селим» — она предпринимает попытку бежать к своему возлюбленному (IV.1). Только сила препятствует ей в исполнении этого желания. И Ломоносов весьма далек от того, чтобы осудить свою героиню. В конце

³² Об автобиографическом фоне этой концепции любви см. Ломоносов М В Полн собр соч Т 8 С 974

³³ См. Pelous J.-M. *Amour précieux, amour galant* P 123 sq

³⁴ См. Резанов В И Трагедии Ломоносова С 244–245

³⁵ См. Hazard P *La pensée européenne au XVIIIe siècle De Montesquieu à Lessing* Paris, 1961 P 274–289 («Le Bonheur sur la terre») См также Maizi R. *L'idée du bonheur dans la littérature et la pensée française au XVIIIe siècle* Paris, 1994

³⁶ См. Соловьев С М История России с древнейших времен М, 1962 Кн 8 С 88